

Туниманов, В. **Доброе слово Бориса Васильева [Текст] : [фрагмент статьи о повести «А зори здесь тихие...»]** / В. Туниманов // Васильев, Б. **А зори здесь тихие... Не стреляйте в белых лебедей. В списках не значился** / Б. Васильев. – Л.: Лениздат, 1980. - С. 483-487.

Борис Васильев пишет с 1954 года. Он был уже опытным, профессиональным литератором, автором пьес («Офицеры», «Стучите и откроется», «Отчизна моя, Россия») и киносценариев («Очередной рейс», «Длинный день», «Сержанты»), когда в журнале «Юность» появилась небольшая повесть «А зори здесь тихие...» (1969). Ее успех и определил дальнейшую судьбу писателя. Васильев нашел свое место в литературе, обратившись к самым традиционным прозаическим жанрам — повести, роману, рассказу. Но в то же время он сохранил приверженность к театру и кино, что весьма ощутимо чувствуется почти во всех произведениях Васильева, и, может быть, особенно сильно в составивших эту книгу—в повести «А зори здесь тихие...», романах «В списках не значился», «Не стреляйте в белых лебедей». Закономерно, что все эти произведения Васильева обрели и другую, театральную жизнь. Запомнился спектакль «А зори здесь тихие...», поставленный Драматическим театром на Таганке. С большим успехом шел на отечественных и зарубежных экранах и одноименный фильм, сценарий которого написал Б. Васильев.

Со времени публикации повести «А зори здесь тихие...» прошло десять лет. Срок немалый. На страницах журналов «Юность» и «Новый мир» за это время были напечатаны новые романы, повести, несколько превосходных рассказов Васильева. Сегодня писателя уже никак не назовешь начинающим или автором одной вещи. И все-таки ни одно из произведений Васильева не встретило такого живого отклика, всенародного резонанса, как повесть «А зори здесь тихие...». Дело здесь не в том, что Васильев стал писать хуже и краски его таланта поблекли. Напротив, профессиональное мастерство писателя возросло, расширился и горизонт творчества: в последние годы Васильев работал над большим историческим романом о событиях русско-турецкой войны 1876 — 1877 годов — «Были и небыли» («Новый мир», 1977, № 8, 9; 1978, № 3, 4). Но тем не менее для большинства читателей Васильев в первую очередь автор повести «А зори здесь тихие...». И это естественно — повесть покоряет удивительной чистотой нравственного чувства, проникновенным гуманизмом, потрясает и эмоционально «заражает» читателя, которого трудно, казалось бы, чем-то удивить, в том числе и новым талантливым произведением о суровых и героических буднях Великой Отечественной. Она оказалась как-то очень сродни интересам и размышлениям современников — и тем, которые хорошо знали, что такое война, я тем, кто уже родился в мирные пятидесятые годы.

Первые главы повести рисуют почти идиллическую картину мирного военного быта. Война где-то вдали; здесь же, на 171-м разъезде, Тишина и безделье. Патриархальным образом устроился превратившийся в «писателя» комендант разъезда старшина Васков. Прибытие на разъезд в распоряжение старшины девушек-зенитчиц еще более настраивает читателя на веселый лад. Складывается комическая, озорная ситуация — и Васильев щедро вводит в повествование юмористические штрихи, подшучивая над незадачливым и простодушным комендантом, тщетно пытающимся в сложившихся обстоятельствах действовать по уставу. Васкову, впрочем, не до смеха — его авторитет командира ежеминутно подвергается испытаниям, и все происходящее он склонен воспринимать как нелепый сон, неуместную и обидную шутку. Васков, бесспорно, наиболее удавшийся герой произведения — его стержень и фундамент. Да и само повествование строится как своеобразный компромисс между словом героя и автора, причем голос Васкова — очевидца и хроникера — незаметно и органично сливается с авторским голосом. Последний как бы звучит за кадром, вдруг врываясь во внутренний монолог героя или откровенно прерывая его биографическими новеллами-вставками. Хотя Васков сначала фигура больше комическая, но это комизм особого рода, ситуативный, так как в самом герое нет ничего смешного и могущего спровоцировать даже улыбку. Он — жертва обстоятельств, и жертва невинная. Получилось так, что весьма почтенные и обычные качества опытного служаки, придя в соприкосновение с новой, необычной и, по сути, полустатской средой, оказываются смешными и как бы ненужными.

Хмурому старшине Федоту Евграфовичу Васкову немногим более тридцати лет, но в глазах окружающих — и не только девушек, бойцов его отряда — он старичок, «пенек замшелый», «медведь глухоманный». Стариком чувствует себя и сам Васков, оглядываясь на прожитые годы. С четырнадцати лет он кормилец в семье. А в армии он уже давно, так что как будто никакой другой жизни, кроме армейской, не существует для Васкова, — после семейной драмы и смерти сына он помрачнел, замкнулся, перестал улыбаться, но не озлобился на мир, не стал мизантропом и женоненавистником. В угрюмом старшине неисчерпаемый запас душевного тепла, вот только разглядеть эту «вторую» натуру Васкова нелегко, — жизнь его обожгла и серьезно потрепала, напоила горечью обид и утрат.

На первый взгляд Васков — заурядный, неинтересный человек, скучный и нелюдимый. Он — аккуратный исполнитель, чем и любезен начальству; с неба звезд не хватает и не собирается даже заниматься столь пустым занятием; карьера его не интересует, и внутренняя жизнь души как бы не существует или, вернее, существует, но в пределах, дозволенных начальством и предусмотренных воинским уставом. «Всю свою жизнь Федот Евграфович выполнял приказания.

Выполнял буквально, быстро и с удовольствием, ибо в этом пунктуальном исполнении чужой воли видел весь смысл своего существования. Как исполнителя его ценило начальство, а большего от него и не требовалось. Он был передаточной шестерней огромного, заботливо отлаженного механизма: вертелся и вертел других, не заботясь о том, откуда началось это вращение, куда направлено и чем заканчивается».

Эти авторские суждения о герое не то чтобы неверны, они недостаточны. Васильев, чуждаясь патетики и удобных, но бессильных заполнить эстетическую пустоту, риторических фигур, избегая эффектных и в то же время бестактных экскурсий в душевный мир героя, показывает его в действии, где в чрезвычайной ситуации, в деле раскрывается подлинное человеческое величие обыкновенного старшины «курортного» 171-го разезда. Там-то именно и обнаруживается, какой действительно редкий, удивительный «исполнитель» Васков, не потому, однако, что он все делает механически, согласно чужой воле, а напротив — как человек, безупречно овладевший сложным и всегда по-особому трудным искусством войны. «Война — это ведь не просто, кто кого перестреляет. Война — это кто кого передумает. Устав для того и создан, чтобы голову тебе освободить, чтоб ты вдаль думать мог, по ту сторону, за противника» — таков сформулированный одновременно от автора и героя один из вечных законов войны.

Нет, Васков не марионетка, и сравнение его с передаточной шестерней лишь отчасти справедливо и передает одну и, пожалуй, внешнюю сторону натуры старшины. Васков — человек высокой ответственности, понимающий, какой огромной важности дело выпало на его долю, знающий, что от его действий тоже зависит судьба России, и черпающий силы в этой великой вере. Даже, точнее, не знающий, а всем существом чувствующий, так как одного знания тут мало. «И такое чувство у него было, словно именно за его спиной вся Россия сошлась, словно он, Федот Евграфыч Васков, был сейчас ее последним сыном и защитником. И не было во всем мире больше никого — лишь он, враг да Россия».

Васков с честью выполнил свой долг перед Родиной. Все, что в его силах, сделал он и для того, чтобы уберечь от смерти своих насмешливых юных красноармейцев, с которыми он за время опаснейшей военной экспедиции сросся душой и сердцем, исполняя и командирские и отцовские обязанности. Вот только тщетными оказались все его усилия, энергия, огромный жизненный опыт. Одна за другой гибнут девушки-зенитчицы. Гибнут и по своей вине, и по воле случая, царствующего на войне, и в обстоятельствах безнадежных, в которых уцелеть почти немислимо, равнозначно чуду. «Они жили единой жизнью, но смерть у каждого была своя», — размышляет Васильев в романе «В списках не значился», и эти слова

еще больше уместны в повести о старшине Васкове и пяти девушках-зенитчицах, где каждая смерть воспринимается не просто как утрата — как непоправимое, чудовищное и противоестественное событие. Ведь гибнут девушки, у которых еще только началась жизнь, рожденные для мира.

Сотрясается от ужаса и отвращения Женя Комелькова, убившая фашиста. Басков не вмешивается, не утешает, умудренно и тактично безмолвствует, испытывая чувство горечи и сострадания, понимая, что происшедшее кошмарно, хотя нет тут ни малейшей вины ни его, ни девушки. «Он не трогал Комелькову, не окликал, по себе зная, что первая рукопашная всегда ломает человека, преступив через естественный, как жизнь, закон — «не убий». Тут привыкнуть надо, душой зачерстветь, и не такие бойцы, как Евгения, а здоровенные мужики тяжело и мучительно страдали, пока на новый лад перекраивалась их совесть. А тут ведь женщина по живой голове прикладом била, баба, мать будущая, в которой самой природой ненависть к убийству заложена».

Многое знает старшина. Знает и то, что не передать ему свое знание девушкам, к которым он просто не может относиться как командир к бойцам, поступившим в его распоряжение. Вот отчего совсем не по уставу действует старшина, жалея, как малолетнего и перепуганного ребенка, Галю Четвертак, спасая ее от комсомольского суда. Поступок нелогичный и удивительный, так как совершает его обстрелянный и опытный солдат, знающий цену уступкам и «гуманным» порывам на войне, безукоризненный службист, для которого устав — закон. Не единственный, однако, закон, и пусть жалость и сострадание не спасли девушку и чуть не погубили старшину, явно ухудшили и без того тяжелое положение отряда — иначе он поступить не мог. Поэтому Басков не раскаивается в содеянном и сознательно говорит неправду, причисляя Галю Четвертак к погибшим храброй смертью товарищам. Святая ложь, и абсолютно понятно, почему Басков скрыл от оставшихся в живых (ненадолго!) истину. Он видит в Гале не бойца, а ребенка, которого он не смог уберечь — еще одна маленькая ниточка «в бесконечной пряже человечества, перерезанная ножом...». Еще одна сестричка. А Васкову все они равно дороги, и ответственность у него тяжкая, двойная — перед Родиной и вверенными ему дочерьми войны.

Этот много повидавший и испытывавший человек, привыкший к любым ситуациям на войне, горько обиженный в мирной жизни, в сущности, обособившийся и замкнувшийся, позабывший, что такое жизнерадостный смех и безнадежные слезы, бессильно плачет, впервые глубоко и лично осознав и прочувствовав всю чудовищную античеловечность войны. Ничего, кроме великого горя и сжигающей ненависти к врагам, не ощущает старшина Басков, — слишком большой ценой заплачено за победу. Наука ненависти, стократно

усиленная наукой любви и неотделимая от нее.

Гуманистическое начало повести «А зори здесь тихие...», безусловно, самое главное и ценное в ней. Война здесь показана не с героической, а с обыденно-трагической стороны. Васильеву удалось создать яркие, запоминающиеся образы старшины Васкова и пяти бойцов его полувзвода. Безупречно вошли в ткань повести биографии девушек — своего рода некрологи, предшествующие их смерти. Психологический ряд повести искусно переплетен с событийным. С неослабевающим вниманием следишь за всеми подробностями необычайной военной операции. Повесть кажется написанной на едином дыхании. Захватывает душевная и скорбная интонация, достигающая трагической кульминации в финале повести. И, пожалуй, только назидательный эпилог, прямолинейно устанавливающий связь времен, представляется излишним. Но, собственно, это уже не повесть, а небольшое прибавление к ней — невинная уступка вкусу читателя.